

Д.И. Мейер

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В трех томах

Ответственные редакторы

доктор юридических наук, профессор

П.В. Крашенинников,

доктор юридических наук, профессор

Д.Х. Валеев

Том 2

УДК 347
ББК 67.404
М45

Настоящее издание представлено в Казанском (Приволжском)
федеральном университете 29 сентября 2022 г. в рамках I Казанского
международного юридического форума «Право на право»

Редакционная коллегия издания:

д-р юрид. наук, проф. П.В. Крашенинников (*отв. ред.*),
д-р юрид. наук, проф. Д.Х. Валеев (*отв. ред.*),
Л.Т. Бакулина, А.Г. Долгов, К.И. Самойлов

Мейер, Дмитрий Иванович.

М45 Избранные труды : в 3 т. / Д. И. Мейер ; отв. ред. д-р юрид.
наук, проф. П. В. Крашенинников, д-р юрид. наук, проф.
Д. Х. Валеев. — Москва : Статут, 2022.

ISBN 978-5-8354-1862-6 (в пер.)

Т. 2. — 304 с.

ISBN 978-5-8354-1864-0

В томе 2 «Избранных трудов» выдающегося российского цивилиста Д.И. Мейера (1819—1856) представлены работы, наглядно свидетельствующие о том, что интересы автора не ограничивались общими вопросами гражданского права. Талант ученого в полной мере проявился и в рассмотрении специальных проблем вексельного права, а также вопросов притворных сделок, древнего права залога, торгового быта Одессы и значения практики в системе юридического образования.

Работы, входящие в данное издание, раскрывают незаурядные исследовательские качества Д.И. Мейера как ученого, внесшего неоценимый вклад в становление науки гражданского права в России, определение традиции русской правовой школы.

Книга рассчитана как на специалистов, студентов, аспирантов, так и всех интересующихся гражданским правом и его историей.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-1864-0 (т. 2)
ISBN 978-5-8354-1862-6

© Крашенинников П.В., вступит. слово, 2022
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2022

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МЕЙЕР – ОТЕЦ РУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Вступительное слово к тому 2 «Д.И. Мейер. Избранные труды» (Продолжение. Начало в томе I)

Отцом русского гражданского права Д.И. Мейера назвал профессор римского права Юрьевского университета Василий Михайлович Нечаев (1860–1935). Также он говорил о том, что Дмитрий Иванович – выдающийся юрист практического направления, неизбежно влиявший на труды по гражданскому праву того времени¹. Нам думается, что и в наше время эти работы представляют несомненный не только исторический, но и теоретический, и даже практический интерес.

Деятельность Дмитрия Ивановича Мейера как педагога-новатора одними лекциями по гражданскому праву, выразившимися в том числе знаменитым учебником, не исчерпывалась. Дмитрий Иванович стремился передать студентам не только стройную систему знаний, но и само мировоззрение, вне которого частное право остается мертвой наукой. Как писал Г.Ф. Шершеневич: «Студенты Казанского университета выносили из его лекций такую массу знаний, какой не получали в ту эпоху нигде слушатели. Кроме обширного материала, расположенного в строго научной системе, лекции Мейера были проникнуты тем гуманным характером, тою смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на учеников. Когда в 40-х годах с кафедры раздается голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правах по сословиям и вероисповеданиям – приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством. Смелое слово учителя не оставалось без влияния на учеников: известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгодной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из университета»².

¹ Н. [В. Нечаев]. Мейер Дмитрий Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. CVIII^A. СПб., 1896. С. 951.

² Шершеневич Г.Ф. Мейер Дмитрий Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Ч. 2. Казань, 1904. С. 47.

Этим и объясняется то повышенное внимание, которое Дмитрий Иванович уделял умению студентов использовать полученные теоретические знания в правовой практике или, как тогда говорили, в юридическом быту. С этой целью он выступил инициатором и организатором вовлечения студентов в оказание гражданам юридической помощи. Под руководством преподавателей они консультировали, помогали нуждающимся готовить заявления, жалобы, советовали, куда обратиться за защитой своих прав. Дмитрий Иванович называл такую практику юридической клиникой. Польза от такой деятельности очевидна как для граждан, так и для студентов, которые кроме применения норм применительно к конкретной ситуации учились работать с людьми. Дмитрий Иванович сам участвовал в работе таких клиник. «Бедные люди, — писал он, — нуждающиеся в советах и помощи по каким-либо... делам обращаются. ...По желанию советующегося тут же может быть для него безвозмездно сочинена нужная бумага»¹.

Подвижничеством Д.И. Мейера восхищался Н.Г. Чернышевский². В своей статье «Губернские очерки» он приводит Дмитрия Ивановича в качестве примера человека, «все силы которого были посвящены благу его родины», в противовес далеким от нравственного идеала героям Салтыкова-Щедрина. «Постоянною мыслию его было улучшение нашего юридического быта силою знания и чести... Задушевным его стремлением было соединение юридической науки с юридической практикой. Он устроил при своих лекциях в университете консультацию и сам занимался ведением судебных дел, разумеется, без всякого вознаграждения (это был человек героического самоотвержения), с целью показать своим воспитанникам на практике, как надобно вести судебные дела».

Чернышевский рассказывает реальную историю, как Д.И. Мейер сумел вывести на чистую воду мошенника, пытавшегося с помощью ложного банкротства обмануть своих кредиторов, причем далеко не в первый раз. Около года Дмитрий Иванович разбирался с запутанной финансовой документацией, а упорный жулик сидел под арестом, подсылая к нашему герою «партизан» с заманчивыми предложениями. Но Мейера нельзя было ни подкупить, ни запугать. В итоге купец вы-

¹ Мейер Д. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань, 1855. С. 17.

² См.: Чернышевский Н.Г. О значении практики в системе современного юридического образования Д. Мейера // Полн. собр. соч. Т. II. М., 1949. С. 782, 783.

нужден был расплатиться с кредиторами, а выйдя из тюрьмы, тут же направился к профессору со словами: «Благодарю тебя, уважаю тебя. ...Теперь я понимаю, что дурно, что хорошо. ...Я верю тебе одному. Во всех своих делах я буду слушаться тебя, а ты не оставь меня своим советом»¹.

Эта почти что рождественская история происходила на глазах всей казанской общественности и прежде всего студентов-юристов. Трудно представить себе более убедительную демонстрацию библейской мощи права, способного привести к покаянию закоренелого грешника, конечно, если Закон использует кристально честный, искренний человек, своего рода проповедник права.

Одним из итогов многолетней педагогической деятельности Мейера стала его работа «О значении практики в системе современного юридического образования» (1855 г.).

В Казанском университете коллеги с удовольствием рассказывают о том, как студентом Дмитрия Ивановича был Лев Толстой. Лев Николаевич, первоначально избравший философский факультет, в 1845 г. перешел на юридический. Много лет спустя Толстой вспоминал: «Когда я был в Казани в университете... там был профессор Мейер, который заинтересовался мною и дал мне работу — сравнение «Наказа» Екатерины с «*Esprit des lois*» (О духе законов. — *Примеч. авт.*) Монтескье. И я помню, меня эта работа увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься»². Свои мысли по поводу прочитанного Л.Н. Толстой написал в своем дневнике за 1847 г.³

Однако другие обязательные предметы были Толстым заброшены, так что вполне оправданно на экзамене 1846/47 г. по истории русских гражданских законов Мейер поставил ему неуд⁴. Сам Дмитрий Иванович был этим фактом очень обеспокоен и интересовался у однокашников Льва Николаевича: «Знакомы ли вы с Толстым? Сегодня я его экзаменовал и заметил, что у него вовсе нет охоты серьезно заниматься, а жаль: у него такие выразительные черты лица и такие умные глаза,

¹ Чернышевский Н.Г. Губернские очерки // Полн. собр. соч. Т. IV. С. 286–288.

² Цит. по: Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 148.

³ См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 46. М., 1937. С. 4–28.

⁴ См.: Загоскин Н.П. Студенческие годы Л.Н. Толстого // Исторический вестник. 1894. Т. LV. С. 120.

что я убежден, что при доброй воле и самостоятельности он мог бы стать замечательным человеком»¹.

Однако Лев Толстой не захотел связывать свою жизнь с юриспруденцией и в апреле 1847 г. подал прошение о своем исключении из числа студентов Казанского университета².

Другой яркой гранью таланта и личности Дмитрия Ивановича Мейера является его научная деятельность. Конечно, ее намного труднее оценить с позиции общегуманистических ценностей. Чтобы понять значение его исследований в контексте развития цивилистики в России, все-таки требуется определенная подготовка. Отметим, что его научная деятельность наряду с преподавательской стала залогом его признания как при жизни, так и после.

В мае 1846 г. Мейер защищает магистерскую диссертацию «Опыт о праве казны по действующему законодательству»³ и в 1848 г. — докторскую «О древнем русском праве залога». Дмитрий Иванович становится профессором. В декабре 1853 г. Дмитрия Ивановича избирают деканом юридического факультета. Он популярен среди студентов и коллег, и важно то, что, несмотря на молодость, он подпадает под все существующие на тот момент требования, необходимые для замещения этой должности.

Однако столь кипучая деятельность Д.И. Мейера проходила на фоне тяжелой и плохо излечимой по тем временам болезни — чахотки (туберкулеза). Как писал Н.С. Соколовский, слушатель Казанского университета: «Дмитрий Иванович был олицетворенная честность; вся его жизнь представляла служение одной идее; несмотря на невзгоды, на физические и нравственные страдания, он твердо, безуклонно шел к своей цели, ни разу не отступая, ни разу не погнувшись перед бурями»⁴.

В 1854 г. Дмитрий Иванович составил завещание, чем немало напугал свою семью. Его кузен (двоюродный брат) Георг Вольдемар Кантор — отец великого математика Георга Кантора (1845—1918) в своем письме призывал Дмитрия Ивановича: «В конце концов, советую и прошу Тебя: беги из Казани, ежели не навсегда, то хоть на время,

¹ Пекарский П.П. Студенческие воспоминания о Д.И. Мейере // Братчина. СПб., 1859. С. 217.

² См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 59. М., 1935. С. 15.

³ Работа не опубликована.

⁴ Соколовский Н.С. Воспоминания // Отечественные записки. 1858. Т. III. № 5. С. 17, 18.

для укрепления твоего здоровья поезжай в путешествие в Италию, Германию или Швейцарию, но непременно через Петербург, или, если Ты так уж заостенел для совершения столь героических поступков, устрой так, чтобы Твои старые родители приехали бы на несколько месяцев к Тебе. Старики пребывают в постоянной тоске по Тебе — их фамильному сокровищу...»¹.

Трудно сказать, почему явно незаурядного молодого ученого даже после успешной пробной лекции не оставили в С.-Петербурге, а отправили в Казань. Может быть, его воззрения были чересчур европейскими даже для «западников» из Главного педагогического института? Но стал бы он в Петербурге тем самым Мейером, каким стал в Казани?

В 1853 г. выходит труд «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях». Существование вымышленного факта, влияющего на гражданские права и обязанности, имело распространение в Римском праве. «Та же сила, которая создала закон в конкретном виде как определение отдельного случая с чувственными, осязательными признаками, указала на прием для распространения этого закона на другие случаи, для примирения, значит, формализма с упорствующею против него действительностью, — сила воображения»². С развитием законодательства применение вымысла случалось и стало заменяться предположением. В отличие от предположения (презумпции) юридический вымысел Мейер называет «по ложности призрачности своей вредное»³. Другое дело — предположение, которое является фактом настолько вероятным, что может быть уничтожено только другим доказательным фактом⁴.

От предположений следует отличать скрытные факты. «Скрытность действия, — пишет Д.И. Мейер, — относится к способу проявления воли со стороны действующего лица, доказательство же есть законное удостоверение в существовании случая или действия, как бы ни выразилось это действие. Скрытный факт, как и всякий другой, нуждается в доказательстве; но доказанный он не перестает быть скрытным»⁵.

¹ Синкевич Г.И. Георг Кантор & Польская школа теории множеств. СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2012. С. 158–166.

² Мейер Д. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854. С. 11.

³ Там же. С. 31.

⁴ См. там же. С. 50.

⁵ Там же. С. 69.

Последняя часть работы посвящена притворным действиям, направленным на юридическую замену одних действий на другие с целью обмана в обхождении законов¹.

Работа, безусловно, интересная как с исторической, так и с современной точки зрения.

В 1855 г. Мейер издает работу «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы», которую он подготовил в результате поездки и изучения темы непосредственно в Одессе. Говоря современным юридическим языком (если он может быть таковым), речь идет об отношениях торговли, как урегулированных законом, так и установленных обычаями. Дмитрий Иванович подчеркивает особенности портового города с разнообразием товаров, складов, магазинов и т.п. Он не скрывает эмоций: «На некоторых улицах поражает большое количество маклерских вывесок — биржевых, городских и рыночных маклеров»². В работе характеризуются заключаемые договоры, а также деятельность биржи, страховых компаний, коммерческого суда. Отдельное внимание Мейер уделяет «разысканиям о движении переводных векселей»³. Впоследствии Дмитрий Иванович подготовит свои знаменитые лекции по вексельному праву.

18 февраля (2 марта) 1855 г. умер император Николай I, на престол взошел Александр II. Запахло воздухом свободы. Вот как описывает это время С.М. Соловьев: «У всех, начиная с самого императора и его семейства, было стремление вырваться из николаевской тюрьмы, но тюрьма не воспитывает для свободы, и потому легко себе представить, как будут куролесить люди, выпущенные из тюрьмы на свет, сколько будет обмороков у людей от непривычки к свежему воздуху. ...Хотя было мало, очень мало, но все же были люди с авторитетом, люди науки, люди мысли и опыта, которым было не под стать бежать как угорелым неведомо куда, которые могли поднять голос против такого бегства, пригласить остановиться, подумать, поусумниться в пользу и необходимости бесцельной беготни»⁴. Несомненно, среди людей, востребованных той эпохой, был и Дмитрий Иванович Мейер.

¹ Мейер Д. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. С. 89.

² Мейер Д. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы. Казань: Изд. Ивана Дубровина, 1855. С. 2.

³ Там же. С. 37.

⁴ Соловьев С.М. Мои записки для детей и, если можно, для других. Гл. XX.

Случайно или нет, но именно после смерти Николая продолжительные хлопоты Мейера о переводе в С.-Петербург увенчались успехом. «Побуждает меня к тому желание служить в Петербурге как сосредоточии нашей умственной жизни, с которым я притом связан родственными отношениями»¹.

Летом 1855 г. Мейер переезжает в Санкт-Петербург, где первоначально возглавляет кафедру энциклопедии права в Училище правоведения, а 10 декабря переходит в Университет на кафедру гражданского права и истории римского права, где перед Новым годом начинает читать лекции по гражданскому праву.

Но лекций было немного. 21 декабря 1855 г. Дмитрий Иванович прочел первую лекцию в Санкт-Петербургском университете, а 18 января 1856 г. умер от чахотки в возрасте 36 лет. Похоронен на Смоленском кладбище².

П.В. Крашенинников

¹ Гольмстен А.Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность. С. 13.

² См.: Синкевич Г.И. Дмитрий Мейер — сын придворного музыканта // Доклады 71-й научной конференции университета СПбГАСУ. СПб., 2015.

О ЗНАЧЕНИИ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Совершенно справедливо признается, что произведенное Общим Уставом Императорских Российских Университетов преобразование бывших Отделений Нравственно-Политических наук в Юридические Факультеты составляет эпоху в нашем общественном развитии¹, между прочим, потому что в деле сем выражается мысль, что именно звание юриста, к которому ближайшим образом приготавливает юридический факультет, преимущественно нуждается в университетском юридическом образовании. Действительно, как существо деятельности, к которой призван юрист, так и чрезвычайная влияние ее в обществе указывают на необходимость специального, основательного приспособления, возможного только в высшем учебном заведении. Юрист-практик является или служителем законодательной власти в постоянном ее стремлении приноровить свои определения к развитию и потребностям общества, или орудием власти судебной, призванной применять юридические начала непосредственно к самой жизни, постановлять о нарушенных правах, или представителем граждан, о правах которых именно идет речь. Во всех трех случаях требуется со стороны юриста-практика ясное сознание юридических начал, которыми управляется общественный быт: с надлежащей пользой он не может служить законодателю, если не в состоянии уразуметь, как происходят явления в юридическом быту, в каком отношении к ним существующее какое-либо определение, какие начала скрываются в учреждениях, в каком виде и при каких условиях допускают они видоизменения; судья и его сотрудники только при уразумении начал, лежащих в основании законодательства, могут дать ему надлежащее применение к представляющимся их разрешению случаям, нередко сложным и запутанным, недоступным простому пониманию

¹ Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? Речь П. Редкина, 1846. Москва, стр. 1–3.

и потому именно требующим вмешательства судебной власти, — к случаям, в которых повязка на глазах является самой нелепой эмблемой правосудия, а нужно утонченное изощрение духа, употребление самых точных технических приемов для того, чтобы обеспечить за правосудием законное его господство, тем более что во множестве случаев решение несправедливое имеет также вид справедливого: есть многие обстоятельства, которые говорят в пользу неправого дела, и легко ими увлечься и принять их за существенные: есть же практики, которые даже считают возможным *несколько* правильных решений по одному и тому же делу, забывая, что юридический случай есть подлежащая решению определенная задача, в которой при известных данных только и возможен один исход: но конечно скорее можно успокоить понудительный голос справедливости, если допустить, что и так и сяк он удовлетворяется, и скорее отыщется одно из многих решений, нежели решение единственное; притом на всех без исключения в государстве распространяется деятельность и власть суда: на знатного и незнатного, богача и бедняка, на образованного и необразованного человека: но очевидно, ожиданиям и доверию всего общества может вполне соответствовать только судебное сословие, в котором самая образованность, знание дела таковы, что внушают уважение и которое наукой приготовило себя к высокому своему служению. Наконец и добросовестный стряпчий не может обойтись без науки права: он должен поставить в распоряжение клиента все что только говорит в пользу его права и служит к его разъяснению, но именно ученое воззрение на юридические отношения открывает в них множество сторон, без него совершенно недоступных; совесть стряпчего только тогда может быть спокойна, когда он сознает, что им употреблены все те пособия, которые представляет наука для вверенного его защищению права; притом стряпчество подчиняется в экономическом отношении общему закону совместничества и потому наибольшее знание, образование, составляет если не необходимое условие успеха, то по крайней мере наибольшее его ручательство.

Но если юрист-практик нуждается в том образовании, которое дает юридический факультет, то с другой стороны, и сей последний имеет ближайшим образом назначение готовить юристов, хотя, как известно, способы их образования могут быть различные¹: а именно сверх учебного заведения школой могут служить судебное место и домашняя контора стряпчего; в последних двух случаях образование происходит без правильной системы, без установленного плана, не представляет

¹ Энциклопедия Законоведения К. Неволлина, 1830, Киев, т. 1, стр. 126.